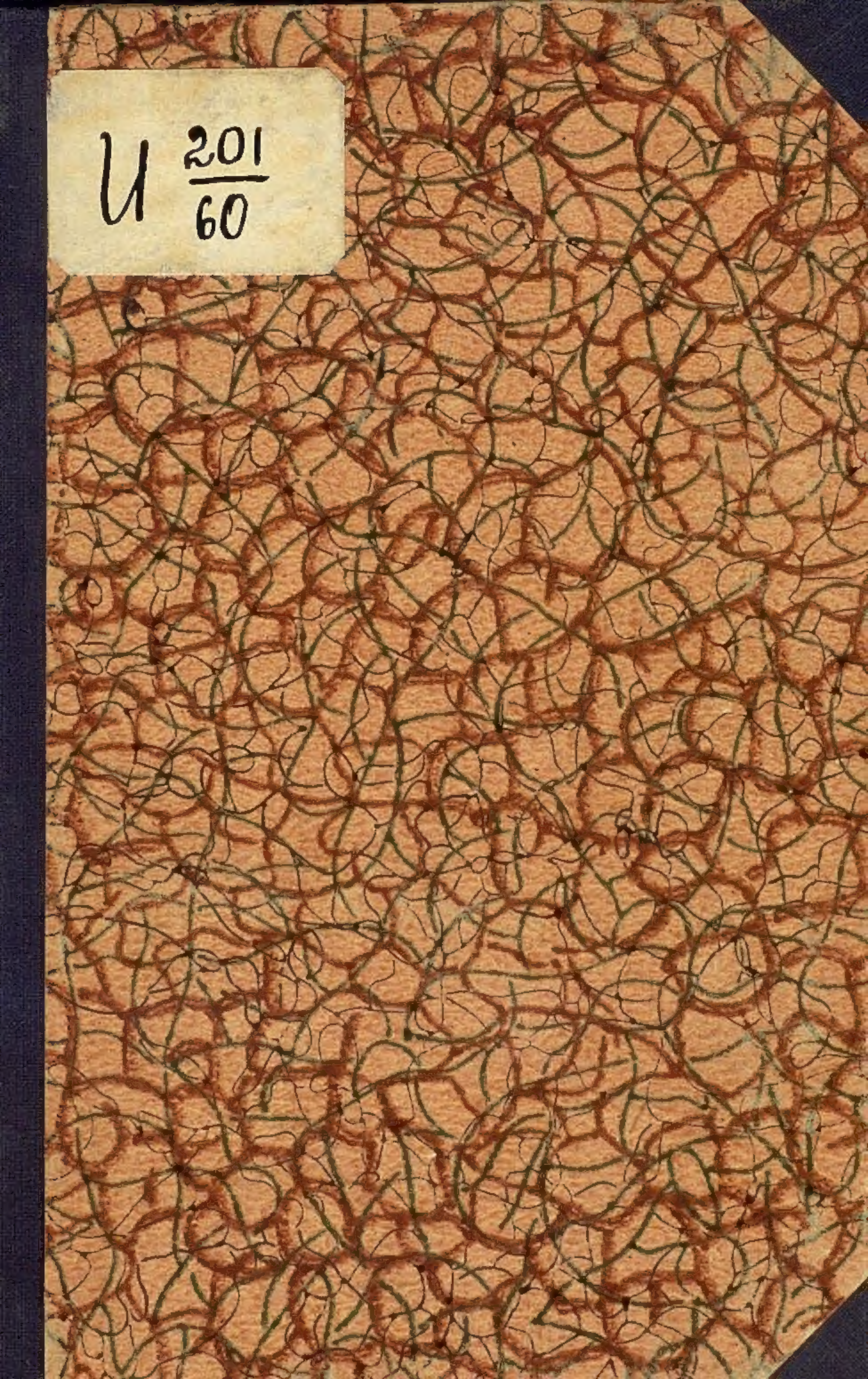

И 201/60

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

Рис. и Печат. въ Придв. Лит. Вас. Деноткина.

ЕВРОПА И РОССІЯ

ВЪ ПРЕДСМЕРТНЫЯ МИНУТЫ ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Ар. Маркова.

. . . . Царей диктаторъ,
Нашъ Великій Императоръ,
Міра яркая-звѣзда,
И твоя пришла чреда!..

Жуковскій.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 12 дня 1855 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ I.

19-го Февраля 1855.

Россія, вся Европа поражены глубокою скорбію. Извѣстіе страшное и неожиданное внезапно произвело блѣдность на всѣхъ лицахъ, глаза всѣхъ отуманило слезами, сердце каждаго наполнило печалью.

Его Величества Императора Николая I-го не стало... Вчера, 18 февраля, въ 10 минутъ перваго часа по полудни, онъ отдалъ Богу свою великую душу, земному міру свой послѣдній вздохъ, — да! послѣдній изъ тѣхъ вздоховъ, которые, въ теченіе двухъ лѣтъ до его кончины, безмолвно вырывались изъ его благороднаго сердца столько же преданнаго

волѣ Провидѣнія, сколько обиженнаго, но еще болѣе огорченнаго, нежели обиженнаго.

Съ начала нынѣшней войны, особенно же годъ спустя, Императоръ Николай Павловичъ замѣтно перемѣнился. Онъ, не давно еще столь прекрасный, столь полный силы и жизни, въ это послѣднее время замѣтно измѣнился, Его величественныя черты носили на себѣ отпечатокъ печали, которую Онъ подавлялъ въ душѣ своей. Правда, каждый день по прежнему заставали его за работою отъ шести часовъ утра до двухъ часовъ за полночь, и часто даже послѣ этого поздняго часа слышали, какъ Онъ еще прохаживался по своему кабинету. По всѣмъ отраслямъ управленія, отъ одного конца Имперіи до другаго, не было принято ни одной мѣры, не было подписано ни одной важной бумаги, объ которыхъ не зналъ бы Онъ и въ которыхъ не заключалось бы Его мысли, а иногда и слова, собственноручно Имъ начертаннаго. Но неужели только со вчерашняго дня Онъ принялся за это трудное дѣло? нѣтъ, въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ ежедневно, ежечасно Онъ исполнялъ его съ неслыханною точностію, съ геройскимъ терпѣніемъ, съ непреклонною волею. Утомительныя бодрствованія и труды могутъ ослаблять, но не преломляютъ этихъ могучихъ натуръ, которыя безпрерывно закаляютъ себя неодолимою силою; сердечная печаль, душевное огорченіе — вотъ что убиваетъ ихъ, вотъ оружіе, противу котораго онѣ безсильны и слабы!

Причина этой печали была совсѣмъ не та, которую, можетъ быть, припишутъ Ему противники Его. Нѣтъ, тысячу разъ повторяю нѣтъ; дыханіе клеветы и обиды не могло омрачить этого мужественнаго чела, равно какъ оно не имѣло доступа въ это сердце столь нѣжное, столь горячее и любящее.— Сознаніе справедливости своего дѣла, своихъ благородныхъ намѣреній и своихъ религіозныхъ убѣжденій ручались ему за будущее; и въ жаркой любви, въ безграничной преданности своихъ *шестидесяти шести мильоновъ* подданныхъ онъ находилъ болѣе, чѣмъ несокрушимыя стихіи силы и могущества, для того, чтобъ совершить эпоху, которая могла быть эпохою испытаній, но никогда эпохою бѣдствій. Но, въ безпрерывное теченіе тридцати лѣтъ, неутомимо сѣя добро, на остаткѣ дней своихъ и въ послѣдній часъ свой пожать зло, проведя всю жизнь свою въ томъ, чтобъ силою труда и долготерпѣнія воздвигнуть на зыблющейся почвѣ Европы зданіе чести, справедливости и мира, видѣть, что это зданіе разрушается въ своихъ основаніяхъ и разрушаясь, оскорбляетъ сѣдины его злословіемъ, подозрѣніемъ и неблагодарностію — вотъ что уязвляетъ кровавыми ранами благородное и чувствительное сердце, вотъ что разбиваетъ, какъ стекло, натуру твердую какъ гранитъ! Честь, которая столь долгое время поддерживала этого монарха въ битвахъ, гдѣ сражался онъ равнымъ оружіемъ, эта самая честь должна была сдѣлаться причиною смерти его въ тотъ день,

когда онъ увидѣлъ, что противу него направлены оружія, несвойственныя ему. Онъ, котораго поприще было безпрерывнымъ рядомъ успѣховъ, могъ ли онъ для заключенія честнаго мира покориться безуспѣшности своихъ усилій? Онъ, который во все теченіе своей жизни не отступилъ ни разу отъ своихъ правилъ, котораго слово было столько же твердо и прямо, какъ былъ прямъ его станъ, могъ ли онъ уничтожить, такъ сказать, все свое блистательное прошедшее и помириться съ дурнымъ настоящимъ? Нѣтъ, онъ не могъ, онъ не долженъ былъ этого сдѣлать. Онъ этого не сдѣлалъ. Онъ за лучшее почелъ удалиться. При жизни онъ былъ бы мертвъ; по кончинѣ своей онъ пережилъ Себя.... Слава ему; слава Тебѣ, августѣйшій Монархъ!... Почій въ мирѣ! Пусть зависть, ненависть и пристрастіе точатъ безсильныя свои оружія; они притупятся о мѣдныя литеры, которыя Богъ десницею своею выльетъ въ исторіи для увѣковѣченія твоего имени. Почій въ мирѣ, могущественный Монархъ, благородный герой! Отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада, не вездѣ ли, какъ въ законѣ, такъ и въ гранитѣ, оставилъ ты напечатлѣніе твоей необъятной дѣятельности, твоего неутомимаго служенія всему доброму и прекрасному? Не ты ли создалъ, образовалъ и воспиталъ въ рыцарскомъ духѣ твоемъ цѣлое поколѣніе, которое будетъ честью Твоего царствованія, равно какъ Твое царствованіе будетъ честью Твоего вѣка? Предоставь этому созданному Тобою поколѣнію

прославлять Тебя какъ мечемъ такъ и перомъ, и, если нужно, то и защищать. — Оно клянется на священной могилѣ Твоей исполнить этотъ долгъ, это святое призванie, которое ты завѣщалъ ему, умирая. Оно исполнитъ его.

Итакъ, если печаль и огорченie не были прямою причиною, то по крайней мѣрѣ они приготовили смерть Императора Николая I-го, они ускорили и облегчили успѣхи болѣзни, поразившей его. Вещественною причиною этой неожиданной смерти была простуда, которой подвергся Императоръ за недѣлю при осмотрѣ иррегулярнаго полка Башкировъ, прибывшаго не задолго въ С. Петербургъ изъ глубины Сибири и отправлявшагося въ прибалтiйскiя провинцiи.—При-выѣздѣ изъ дворца на этотъ смотръ, онъ встрѣтилъ своего лейбъ-медика, доктора Карелля который старался отклонить его отъ этого намѣренiя; но Императоръ, взявъ доктора за руку, сказалъ ему: «Вы исполнили вашу обязанность, докторъ; теперь позвольте мнѣ исполнить мою», и онъ сѣлъ на лошадь.

Возвратясь послѣ смотра во дворецъ, онъ былъ пораженъ*гриппомъ, который съ нѣкотораго времени распространился въ С. Петербургѣ. Въ продолженie четырехъ дней занятый болѣе государственными дѣлами, нежели собственною особою, онъ не заботился о принятiи тѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя

столь необходимы въ подобныхъ болѣзняхъ. На пятый день, преодолѣнный лихорадкою, онъ рѣшился наконецъ лечь въ постель. Но было уже поздно: лихорадка замѣтно усилилась; обнаружилось воспаленіе въ лёгкихъ. Вчера въ семь часовъ по полуночи онъ пріобщился Святыхъ Таинъ, а въ двадцать минутъ по полудни онъ уже не принадлежалъ міру сему.

Итакъ, при исполненіи своего священнаго долга на служеніи своимъ подданнымъ, которыхъ однакоже былъ онъ верховнымъ главою и повелителемъ, на защитѣ отечества, наконецъ на почетномъ поприщѣ своего высокаго назначенія, Императоръ Николай Павловичъ былъ застигнутъ смертію. Онъ кончилъ такъ, какъ началъ, какъ онъ всегда жилъ, въ самомъ великомъ, въ самомъ возвышенномъ отверженіи Самого Себя.

Еще не долѣе какъ за десять дней до кончины видѣли его, какъ онъ проѣхалъ въ маленькихъ санкахъ, вѣроятно въ какое нибудь публичное заведеніе, завернувшись въ шинель, мѣховой воротникъ которой онъ поднималъ выше обыкновеннаго, видимо съ тою цѣлью, чтобъ избѣгнуть восклицаній восторженной толпы. Однакоже его узнали; со всѣхъ сторонъ снимались шляпы и долго послѣ его проѣзда головы оставались обнаженными, и всѣ провожали его еще болѣе мыслію, нежели взорами.

«Какъ онъ перемѣнился, нашъ добрый Импера-

торъ», говорили одни, между тѣмъ какъ простой народъ кричалъ:

«Вотъ нашъ царь-батюшка; не унывай, нашъ родной, мы тебѣ поможемъ».

Это названіе *«батюшка»*, данное ему народомъ, навсегда останется при немъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно Генриху IV-му, Николай I-й обожалъ свой добрый русскій народъ, который въ свою очередь боготворилъ его.

«Ко мнѣ, дѣти мои!» одного этого слова, одного этого воззванія было бы достаточно для того, чтобъ подвинуть всю массу шестидесяти шести мильоновъ подданныхъ и заставить ее совершать чудеса. Если онъ не произносилъ этого воззванія, такъ именно потому, что онъ любилъ свой народъ и старался всѣми возможными мѣрами щадить его. Черезъ нѣсколько недѣль, начиная отъ нынѣшняго числа, когда эта роковая вѣсть достигнетъ послѣднихъ предѣловъ Имперіи, отъ Архангельска до Севастополя, отъ Камчатки до границъ прусскихъ, эти шестьдесятъ шесть мильоновъ подданныхъ, съ преклоненною главою, со слезами на глазахъ, медленно пойдутъ въ свои сто тысячъ церквей и тамъ, при погребальномъ звонѣ колоколовъ возвысятъ всѣ голоса свои въ одинъ общій голосъ, въ одно похоронное моленіе за-упокой

души своего великаго Императора. Трогательная и краснорѣчивая похвала Государю изъ устъ цѣлаго народа, трогательная и краснорѣчивая, потому что эти слезы будутъ дѣйствительно пролиты. Зрѣлище величественное и проникающее душу чувствомъ невольнаго благоговѣнія, зрѣлище, въ которомъ смерть и жизнь оплакиваемаго Монарха взаимно возвеличиваются одна другою и смѣшиваются въ общемъ возношеніи.

Мы не коснемся святотатственною рукою этого семейнаго святилища все еще покровеннаго глубокимъ трауромъ, не прервемъ царствующаго тамъ глубокаго молчанія, чтобъ исчислять одно за другимъ всѣ прекрасныя качества того, который, какъ солнце для цвѣтовъ, былъ жизнію и украшеніемъ для столь многихъ любимыхъ существъ. Въ этомъ дворцѣ, недавно столь веселомъ, а теперь столь печальномъ и грустномъ супруга, дѣти и внучата, великіе князья и княгини всѣ окружали Его, какъ плющъ окружаетъ дерево, всѣ обращались къ Нему, какъ растеніе обращается къ дневному свѣту. Въ этотъ часъ всѣ преклоняются передъ Его гробницею.

Теперь не время и не мѣсто разсказывать здѣсь эту жизнь, столь прекрасно выполненную, столь великую по ея знаменитымъ трудамъ, по ея блистательнымъ подвигамъ, по ея дѣяніямъ, которыя навсегда останутся въ памяти потомства. Можетъ быть,

мы вскорѣ поговоримъ о политическихъ дѣйствіяхъ Императора Николая съ тѣмъ, чтобъ пояснить не одно сомнѣніе, устранить не одно заблужденіе, уничтожить не одно предубѣжденіе. Можетъ быть намъ удастся приподнять конецъ этого священнаго и таинственнаго покрова, еще по нынѣ облекающаго алтарь тайныхъ мыслей, сокровенныхъ чувствованій и частной жизни этого Монарха, Котораго политическіе противники Его могутъ обвинять различно, но въ отношеніи къ которому теперь, когда его уже нѣтъ въ мірѣ, друзья и враги не могутъ питать инаго чувства, кромѣ единодушнаго сожалѣнія и общаго удивленія.

Для однихъ, смерть Императора Николая I-го есть невозвратимое несчастіе, невыразимое бѣдствіе; для другихъ печальная катастрофа; для всего міра—великое событіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой точки зрѣнія ни разсматривали бы жизнь въ Бозѣ почившаго Императора Россіи, какое ни раздѣляли бы политическое мнѣніе, всѣ противники и союзники, Европа и весь свѣтъ должны будутъ единогласно согласиться въ томъ, что никогда еще Государь не олицетворялъ лучше и не возводилъ монархическаго достоинства на столь высокую степень уваженія. Этими благородными чертами, въ которыхъ отражалась то власть, полагающая благоговѣйное молчаніе, то кротость, плѣняющая сердца, этою гордою, благородною и стройною осанкою, этимъ твердымъ характеромъ,

этимъ добродѣтельнымъ и великодушнымъ сердцемъ, этимъ просвѣщеннымъ умомъ, этимъ истинно рыцарскимъ духомъ, Божественное величіе хотѣло повидимому возвысить величіе царственное и спасти монархическое начало отъ паденія, которымъ съ часу на часъ угрожала ему новѣйшая демократія. Эта цѣль, это великое призваніе, достаточно ли были выполнены въ послѣднее время Императоромъ Николаемъ, чтобы Господь, по окончаніи дѣла, разсудилъ за-благо призвать къ себѣ августѣйшаго труженика? Или, свидѣтель же справедливаго возмущенія народовъ противу нравственной силы этого свершеннаго призванія, Богъ, по вѣчному правосудію Своему, восхотѣлъ наказать это безумное забвеніе минувшихъ заслугъ и будущихъ опасностей, внезапно отнявъ изъ-подъ зданія эту законную основу его, эту порфировую колонну, этотъ многолѣтній дубъ европейской монархіи, съ широкими листьями, съ распростертыми вѣтвями, съ глубокими корнями, который не погнулся, но разбился, чтобъ не оставить на своемъ мѣстѣ ничего кромѣ бездны....?

Будущее дастъ отвѣтъ на эти вопросы. Что касается до насъ, то мы умоляемъ Бога, чтобъ предчувствія наши осуществились.

Какъ бы то ни было, но эти нравственныя качества Императора Николая и именно они одни были поводомъ къ тому, что между европейскими Государями

ихъ же собственными руками былъ воздвигнутъ ему нѣкоторый родъ трона. Въ Русскомъ царствѣ служила ему трономъ любовь его подданныхъ. Онъ никогда не имѣлъ иного. Пренебрегая всякимъ придворнымъ этикетомъ, потому что въ собственной особѣ его было отпечатлѣно царственное достоинство, онъ ходилъ пѣшкомъ или ѣздилъ въ маленькихъ саняхъ въ одну лошадь, одинъ, безъ свиты, потому что его свитою и тѣлохранителями былъ его народъ. Отецъ всѣхъ отцовъ семейства, опора бѣдныхъ, покровитель слабыхъ, другъ всѣхъ тѣхъ, которые, подобно ему, имѣли умъ, растворенный сердечною добротою, и сердце, просвѣщенное умомъ, онъ былъ первымъ дворяниномъ въ своей Имперіи, первымъ чиновникомъ между всѣми чиновниками, первымъ добрымъ человѣкомъ между всѣми добрыми людьми. Такимъ былъ, такимъ остался для насъ Императоръ Николай, такимъ же и исторія сохранитъ его для потомства.

У подножія гробницы этого великаго монарха оставьте вашу зависть и ваши ненавистныя страсти, люди политическіе! Предъ этимъ еще полуотверстымъ гробомъ, воины, преклоните ваши оружія; Государи, опустите ваши знамены! Величіе, противу котораго возставали вы на этой землѣ, вступило теперь въ союзъ съ величіемъ Божіимъ. Невинная кровь, которую вы вчера еще проливали противу Его, въ сію минуту молитъ Бога о даро-

ванія вамъ прощенія. Отложите вашъ приговоръ, люди, всегда готовые изрекать сужденія дерзкія и пристрастныя. Теперь не та минута, чтобы произносить судъ, теперь настала минута молитвы. Вашему честолюбію, вашей ненависти нужна была жертва. Вотъ она – эта жертва, довольны ли вы? Нѣтъ, потому что вы желали побѣдить этого великаго человѣка, когда онъ былъ въ живыхъ, а онъ побѣдилъ васъ своею смертію. Вы хотѣли унизить его, и Богъ возвысилъ его до Себя. Не прерывайте вашими клеветами и злословіемъ торжественнаго свиданія, которое происходитъ теперь между царемъ цѣлаго народа и Царемъ всѣхъ царей. Прочь! Уступите дорогу величію, которое восходитъ на небо, дайте мѣсто слезамъ, дайте мѣсто печали!..

Эта печаль для всѣхъ тѣхъ, которые были приближены къ Императору Николаю Павловичу, которые умѣли цѣнить его какъ вблизи, такъ и издали, которые были осчастливлены его благодѣяніями, а они разсѣяны по всей Европѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, и даже въ Белгіи, гдѣ считалъ онъ довольное число друзей и почитателей его высокихъ достоинствъ, для всѣхъ ихъ эта печаль есть та самая, которую пріятно испытывать, потому что ее почитаютъ слабою данью любви, признательности и уваженія. Но если что либо можетъ уменьшить горечь этой печали, такъ это мысль о томъ, что могущественный

Монархъ Россіи умеръ такъ, какъ онъ былъ долженъ умереть, на своемъ императорскомъ ложѣ, окруженный своимъ многочисленнымъ семействомъ, августѣйшею супругою, внучатами, вѣрнѣйшими своими служителями и въ особенности въ присутствіи возлюбленнаго сына своего, нынѣ царствующаго Императора Александра II-го. Исповѣдовавшись и пріобщившись Святыхъ Таинъ, онъ созвалъ ихъ всѣхъ вокругъ своего смертнаго ложа, къ каждому изъ нихъ обратился съ трогательными словами и далъ имъ свое послѣднее благословеніе. Но въ особенности на томъ разговорѣ, который Императоръ Николай имѣлъ съ Императоромъ Александромъ останавливаются наши омоченные слезами взоры и наше полное грустныхъ впечатлѣній сердце, чтобъ удивлять и возсылать моленія къ Богу. Кто осмѣлился бы спрашивать о томъ, что было говорено въ этомъ торжественномъ изліяніи сокровенныхъ мыслей и чувствованій между отцомъ, который любилъ своего сына, и сыномъ, который обожалъ своего отца и удивлялся ему! Для насъ важнѣе всего знать то, что умирающее величіе держало одною рукою величіе раждающееся, а другою соединяло его съ величіемъ вѣчнымъ и божественнымъ. Въ этомъ возвышенномъ сообщеніи душъ, душа отца соединялась съ душою сына, и Ангелы небесные праздновали это соединеніе!

Не многіе монархи имѣли счастіе умереть въ

объятіяхъ сына; не многимъ наслѣдникамъ царскаго вѣнца выпадала столь завидная доля, чтобъ вступить на престолъ по 37-му году съ полнымъ сознаніемъ, что ни одного дня, ни одной минуты не былъ онъ недостойнымъ любви и благословенія отца своего. Съ давняго времени посвященный во всѣ государственныя дѣла и раздѣляя съ августѣйшимъ родителемъ своимъ бремя правленія, нынѣшній Императоръ Россіи наслѣдуетъ Императору Николаю, между тѣмъ какъ для всей обширной Имперіи Его перемѣна эта ощутительна только по чувству горести о въ Бозѣ почившемъ, которую раздѣляетъ она съ своимъ новымъ Государемъ. Пусть этотъ сердечный союзъ для всѣхъ вѣрныхъ его подданныхъ и для всѣхъ горячо ему преданныхъ измѣнится вскорѣ въ союзъ радости и счастія при сладостной мысли, которая въ ту минуту, въ которую мы пишемъ эти строки, внезапно осушаетъ наши слезы и разливаетъ отрадное чувство въ нашемъ сердцѣ, при мысли о томъ, что Императоръ Николай утраченъ для насъ только отчасти, потому что его прекрасная душа, его благородный и рыцарскій духъ живетъ еще въ его возлюбленномъ сынѣ. Его августѣйшіе останки возвысятъ еще болѣе царственное величіе опочившихъ уже въ погребальномъ склепѣ, заключающемъ въ себѣ достославный рядъ Государей, которыми небо награждало Имперію Русскую, и для всѣхъ сынов Россіи содѣлаются благоговѣйно чтимою святынею. Любовь, любовь монарха и подданныхъ раздѣлитъ

между собою драгоцѣнный прахъ его, усвоитъ себѣ какъ духъ, такъ и тѣло этого великаго Императора. Смерть похитила его у насъ подъ именемъ I-го, любовь возвратитъ его намъ подъ именемъ Александра II-го.

КОНЕЦЪ.

болѣзнь Гриппъ Насморкъ и простуда мозга на 11 страницѣ

болѣзнь по Латин. Гриппъ по рус Насморкъ и простуда мозга. на 11 страницѣ

25 Іюня 1867 года Указъ Правительствующему Сенату объ устройствѣ отставныхъ и безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ. Сѣверная почта № 15[illegible]

